

Сергей Алексеев
*Председатель
Комитета ТПП РФ
по природопользованию
и экологии*

**УГЛЕРОДУ ПОРА
НА РЫНОК**

Россия находится в тренде экологических инициатив, а потому нам необходимо внедрять практические меры углеродного регулирования. Председатель Комитета ТПП РФ по природопользованию, заслуженный эколог РФ, заместитель председателя Общественного совета при Минприроды России Сергей Алексеев рассказал о том, как в России может быть организован рынок углеродных единиц и какие меры по развитию экологического страхования будут полезны сейчас для бизнеса.

Современные страховые технологии: Не слишком ли преувеличена значимость экологических проблем?

Сергей Алексеев: Пожалуй, нет. То, что сейчас происходит в природе, не может не настораживать — загрязнение океана, исчезновение сотен видов представителей флоры и фауны, эрозия почв, ухудшение состояния воды и воздуха на территории концентрированного проживания людей, наконец, изменение климата. Тема сильно политизирована и геополитически трансформировалась в нагнетание излишней истеричности и нервозности. Гор, Грета Тунберг и многие другие этому доказательство. Но проблема действительно существует, по крайней мере, для нашей цивилизации. Правда, мы не знаем до сих пор, какая по счету наша цивилизация на планете Земля. Поэтому здесь и сейчас проблема климата и экологии является одним из важнейших пунктов мировой повестки.

ССТ: Согласно недавнему заявлению президента, Россия должна достичь углеродной нейтральности не позднее 2060 года. Механизм трансграничного углеродного регулирования — это способ прямого экономического воздействия на экономики стран-поставщиков ископаемого топлива и энергоемкой продукции, на бизнес, на деятельность конкретных предприятий. Вы согласны с такой постановкой проблемы?

С. А.: У этого вопроса большая история. Как вы знаете, каждые 10 лет, начиная с 1992 года, проходят Саммиты Земли — встречи мировых лидеров, организуемые

при поддержке ООН с целью определения путей стимулирования устойчивого развития на глобальном уровне. Идеи, аналогичные тем, что вошли в Парижское соглашение, были озвучены и в Рио-де-Жанейро в 1992 году, и в Йоханнесбурге в 2002 году. Результата в виде соглашения удалось достичь только в Париже. Тогда европейцы в рамках реализации Глобального соглашения предложили организовать фонд поддержки адаптации к изменениям климата развивающихся стран, который должен пополняться за счет развитых экономических стран — и все развивающиеся страны, включая большой пул африканских государств, проголосовали «за».

Еще один аспект политики глобального перехода к ВИЭ и постепенного отказа от органического ископаемого топлива. Например, представители Индии вот уже 20 лет говорят примерно одно и то же: «Мы целиком поддерживаем усилия мировой общественности по вопросам борьбы с изменением климата, но у нас столько своих внутренних проблем, что нет возможности всем этим заниматься». В результате, хоть все и ожидали, что в Глазго в ноябре этого года могут быть начаты «похороны» угольной промышленности, представители ряда стран эту тему остановили. Итоговая резолюция по углю получилась очень мягкая, в том числе и благодаря позиции Индии. Итоговая формулировка практически не накладывает значительных ограничений на строительство угольных электростанций.

Теперь появляется плата за углеродные выбросы, так называемый «углеродный налог», и эти деньги по задумке бюрокра-

тов из Европарламента идут напрямую в бюджет Евросоюза. Понятно, какое впечатление это производит на коллег из Африки и Азии. На что у представителей, в первую очередь Европейского союза, есть простой ответ: мы наложили серьезные ограничения на свою промышленность во благо всего мирового сообщества и потратили много времени, сил и денег на то, чтобы соответствовать критериям, которые сами же себе придумали и которые еще никто, собственно, не утвердил по настоящее время в рамках всего мирового сообщества.

ССТ: Но Россия ведь подписала «Парижское соглашение»?

С. А.: Опять напомним историю. В 2004 году Россия ратифицировала Киотский протокол к рамочной конвенции ООН об изменении климата (№ 128-ФЗ от 04.11.2004). Произошло это после двух лет размышления, несмотря на предупреждение ныне покойного академика Ю.А. Израэля о возможном возникновении «киотской дани», что, по сути, мы вскоре получим в виде платы за «углеродный след». Причем роль нашей страны была исключительной. Без подписи России и учета нашей национальной эмиссии CO₂ Киотский протокол бы не заработал, т. к. не обеспечивал бы покрытие более 50 % от выброса.

Парижское соглашение Россия подписала в 2016 году и позднее ратифицировала, но до последнего момента не предпринимала никаких шагов по принятию национального закона о регулировании выбросов парниковых газов. Вернее, попытки были, но только в начале 2021 года такой закон был подписан¹. По сравнению с ранними вариантами, в законе нет прямых норм о создании внутреннего рынка «углеродных единиц», нет понимания, как и кем они будут учитываться, проверяться и сколько эти единицы будут стоить. Прямо скажем,

Есть Алтай, у которого поглощающая способность очень большая, а эмиссия CO₂ маленькая. Есть Ямало-Ненецкий округ, где эмиссия CO₂ большая, а поглощение углерода незначительное. Значит, Ямал будет платить Алтаю.

закон рамочный и без подзаконных актов работать не будет.

ССТ: Как представлена ESG-повестка в России?

С. А.: ESG это относительно новое понятие для Российского рынка. Пришло оно к нам опять из Европейского союза. Геополитически, на мой взгляд, ESG — это механизм сдерживания развивающихся экономик, в том числе и России. Поскольку у нас идет активное развитие, нам нужно минимизировать страновые риски ESG-повестки в России и, как ни странно, в первую очередь в финансовой сфере. При этом финансовые учреждения утверждают, что не очень понимают, зачем им это надо, но делать будут обязательно. Производственные предприятия со своей стороны говорят, что и так действуют в рамках ESG-повестки и соответствуют ESG-критериям. Справедливо возникает вопрос: кто и на каком уровне их разрабатывал и утверждал.

Например, в Глазго было заявлено, что проект международного стандарта ESG может появиться в лучшем случае к концу 2022 года. Пока же каждый делает то, что считает нужным. С моей точки зрения, ESG — это сильно расширенный стандарт ISO (International Organization for Standardization), в который включается оценка углеродного следа предприятия и, конечно, несколько модифицированная нефинансовая отчетность, которая теперь становится обязательной.

ССТ: Как такой стандарт отразится на деятельности конкретных предприятий?

¹ Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов».

С. А.: Думаю, что реально пока не сильно. Появятся пункты в договорах о приверженности ESG-трансформации и ESG-стратегии. Банки будут включать соответствующий пункт в кредитные договоры. Уже прошел слух, что на биржи не будет допущена продукция предприятий, которые не соответствуют еще не существующим критериям ESG. Финансисты будут стремиться разработать технологии оценки инвестиционных рисков через анализ трех направлений — экология, социалка и корпоративное управление.

Только в ноябре в России на федеральном уровне прошли девять национальных и международных мероприятий. Общественники работают. Например, если раньше кто-то слил отходы, которые сливать было нельзя, экологическая общественность просто возмущалась, а сейчас у них есть аргумент: ваш слив делает ваше предприятие не соответствующим критериям ESG. Все сразу напрягаются — это уже конкретное воплощение неприятностей для предприятия и очень негативный PR-отклик. Так что, пока влияние стандарта — в области PR и репутации.

ССТ: С одной стороны, в России боль-

ПАРИЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующее меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 года. Подготовлено взамен Киотского протокола в ходе Конференции по климату в Париже, принято консенсусом 12 декабря 2015 года, подписано 22 апреля 2016 года. Цель (согласно статье 2) — «активизировать осуществление» Рамочной конвенции ООН по изменению климата, в частности, удержать рост глобальной средней температуры «намного ниже» 2 °С и «приложить усилия» для ограничения роста температуры величиной 1,5 °С.

шая площадь лесов и малонаселенных территорий. С другой, в нашей стране находятся крупнейшие предприятия по добыче и переработке нефти, природного газа, металлов, другие производства с большим углеродным следом. Могут ли эти два фактора компенсировать друг друга?

С. А.: Сегодня в России национального рынка торговли углеродными единицами нет, как, впрочем, пока не формализованы углеродные единицы в целом. Поэтому для России переходом к следующему этапу может стать создание рынка углеродных единиц на уровне взаимодействия между регионами. Например, в США и Канаде такая практика широко распространена: один штат торгует с другим. Мне кажется, в России нужно внедрить подобную систему, чтобы баланс считали не по всей стране в целом, а по отдельным регионам. Это позволит устроить рынок внутри страны.

Например, есть Алтай, у которого поглощающая способность очень большая, а эмиссия CO₂ маленькая. Есть Ямало-Ненецкий округ, где эмиссия CO₂ большая, а поглощение углерода незначительное. Значит, Ямал будет платить Алтаю. Понятно, что только на словах просто. Но это один из привлекательных способов видеть финансовое равенство между регионами-донорами и дотационными регионами. Это же касается Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и других промышленно развитых регионов. Не думаю, что гражданское общество России будет слишком возражать против этого.

Чтобы мы могли правильно посчитать баланс по отдельным регионам, нужно создавать карбоновые полигоны для мониторинга парниковых газов и методики расчетов способности поглощения углерода различными формами рельефа, породами

деревьев и даже различными травами. Это очень дорогостоящие проекты, требующие специального оборудования, которое учитывает поглощающие способности всех типов растительности и почвы на выбранной территории. Оборудование пока применяется, в основном, вне российского производства. Однако мы уже начали работы по созданию отечественных образцов с привлечением ученых из Академии наук и специалистов из ВПК.

ССТ: Почему такой рынок нужно делать внутри страны, а не представлять интересы России как целостной структуры на международном рынке?

С. А.: Баланс страны складывается из баланса отдельных регионов. Взаимные расчеты нужны для того, чтобы стимулировать регионы, производящие загрязнение, строить карбоновые полигоны и карбоновые фермы, высаживать леса. В соответствии с Парижским соглашением в зачет идут только так называемые управляемые леса, то есть то, чем управляет государство, конкретная организация, конкретный человек — от коммерческой заготовки древесины до лесовосстановления. При этом должна существовать федеральная государственная программа, которая учитывала бы коммер-

КИОТСКИЙ ПРОТОКОЛ

Киотский протокол — международное соглашение, заключенное с целью сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу Земли для противодействия глобальному потеплению. Дополнительный документ к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 года (РКИК ООН) принят в японском городе Киото 11 декабря 1997 года, вступил в силу 16 февраля 2005 года. Цель — стабилизировать уровень концентрации парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему планеты.

ческие интересы каждого отдельного региона, каждого отдельного субъекта федерации.

ССТ: Есть ли место экологическому страхованию при реализации Концепции устойчивого развития в РФ? Если да, то каким оно должно быть?

С. А.: С 2000 года Комитет по экологии Госдумы РФ приложил много усилий для продвижения экологического страхования, выступал за активное внедрение экологического аудита. Это логично: прежде чем страховать риски, необходимо оценить экологическое состояние и экологическое воздействие каждого конкретного предприятия. Большое влияние на это оказали чрезвычайные события.

Кто ожидал таких последствий от аварии в Мексиканском заливе? Там были такие убытки, которые страховщики даже представить не могли. Другой пример — Норильский никель. Конечно, 2 млрд долларов выплаченных компенсаций и штрафов предприятие не разорят, но страхование им бы точно не помешало.

Так же, как и само страхование, абсолютно необходима достоверная статистика, которая ляжет в основу расчета рисков. Нужна серьезная методологическая работа, чтобы избежать непонимания и конфликтов, что

страхуем, на какую сумму и что будем считать страховым случаем.

Чаще всего мы взаимодействуем с крупными предприятиями, но страхование должно распространяться и на малые и средние предприятия. Вред экологии ведь может причинить и, например, небольшая станция технического обслуживания, слив какие-то отходы в реку. Тогда и к ним придут экологи, придет Росприроднадзор и оштрафует, и, кроме этого, обяжет возместить ущерб, нанесенный окружающей среде. К сожалению, никаких мер, стимулирующих экологическое страхование, пока нет.

ССТ: Что нужно делать? Печатать для предприятий разъяснительные брошюры, семинары проводить?

С. А.: Это бессмысленно — мы это делали много лет. Понятие экологического страхования все прочнее входит в деловой оборот. Но для того, чтобы этот сегмент страхования развивался, необходимо начать с законодательной работы, с нормативной базы. Например, необходимо четко прописать и определить, как отделить экологическое страхование от страхования промышленных объектов. Думаю, место оценке приверженности ESG-принципов тоже найдется.

Кроме того, необходима практика экологического страхования, чтобы предприятия осознали, что и как необходимо делать, чтобы правильно страховать экологические риски. Это очень важно для особо опасных предприятий, для которых похожее страхование обязательно.

Росприроднадзор во главе с С.Г. Радионовой сейчас своей надзорной деятельностью делает все, чтобы страхование экологических рисков становилось все более популярным у бизнеса. Нужно, чтобы статистика была честной — тогда экологическое страхование заработает. Проще застраховаться, чем скрывать аварии, прятаться от экологов и контролирующих органов.

ССТ: Есть ли необходимость обсуждения проблем страхования экологических рисков на площадке Всероссийского союза страховщиков?

С. А.: Почему только там? Мы крайне заинтересованы в общении со страховщиками. Если раньше мне казалось, что проблематика слегка надумана, то сейчас я четко осознаю: экологическое страхование — это живая коммерческий механизм. Для его развития необходимо строить отдельные бизнес-процессы: готовить, разрабатывать, доносить до потребителя. Мы готовы в этом участвовать.

УГЛЕРОДНЫЙ СЛЕД

Совокупность всех выбросов парниковых газов, произведенных прямо и косвенно отдельным человеком, организацией, мероприятием или продуктом. В отличие от экологического следа, который рассчитывается исходя из того, какое количество ресурсов на душу населения может быть возобновлено планетой, углеродный след лишь указывает объем выбросов в эквиваленте CO₂.

Еще 7–8 лет назад я с большой долей скептицизма относился ко всем этим дискуссиям вокруг нефинансовой отчетности, углеродного следа и т. п. Но теперь абсолютно ясно, что повышенное внимание к аварийности со стороны экологов приводит к тому, что экологическое страхование становится весьма актуальным. Когда происходят аварии на предприятии, например, сброс отходов, возникает множество вопросов: специально это было сделано или случайно, можно было это застраховать или нельзя... Нужны системные разъяснения, как это уже сделано по ОСАГО или каско — что является страховым случаем для предприятия, а что — нет. Риск-менеджеры предприятия должны в этом разбираться, должны получать четкую информацию и экспертные знания.

Нужны и прямые меры по стимулированию. Сейчас расходы на экологическое страхование относятся для предприятий на прибыль, поскольку оно добровольное. Это совершенно недопустимо, и это нужно менять опережающим образом. В противном случае налоговая инспекция просто поддерживает безответственность предприятий, которые не страхуют свои экологические риски. Таких вопросов много, и мы готовы к их обсуждению и сотрудничеству со страховщиками.